

Илья Муромец и Кудреванко

Из-за далё... далёчѣ, да из чистá поля,
Да што из того же широкого раздольця,
Да из проклетой Орды
Да поднимался-то вор-собака, злой неверной пан,
Злой неверной пан — да молодой Сол(ы)тан да сын Солтановиц,
Кудреван да царь да Кудревановиц,
Де он со многою силой войска многа-множеством:
Де сорок королей, сорок королевичей,
Де сорок же князей, сорок князевичей.
Кáж(е)ному королю и королевичю
Де как довал он войска-силушки тысящей по сорбк.
Де кáж(ы)ному князю и князевичю
Де как давал же войска-силушки тысеча по сорок.
Де под самим-то, под собакой, — цисла-смету нету!
Де и как пошел вор-собака, де он под Киев-град,
И не путём он шол, да не дорогою —
Де как шол дорогами, шол посторонима,
Посторонима да прямоезжима.
Де как полотном мать сыра земля от войска изгибалася,
Да на зелёныя луга вода от грузу розливалосе,
Де солнышко и луна нонце померкла
Де што от духу чловецьего,
Де свѣт(ы)ла месяцо как и померкло же
Де всё от пару от лошадиного.
Де подошел вор-собака, де он под Киев-град,
И становился он да на чистом поли,
Де как и роскидывал он да тут белы шатры,
Де как белы шатры, тонки полотнены.
Де становили они окольный стольницок,
Де тут писали они да скорый ерлык,
Де скорый ерлык да скорописцотый.
Не пером оне писали да не цернилами —
Де как писали-то красным золотом,
Красным золотом да всё ордынским.
Тут просили они у Владимера-та князя

От города от Киева да отступитесь,
Без бою да без драки и без сечения,
Да без большого такого кроволитиця.
Тут и прираздвинется да мать сыра земля,
Де как приужжет она силушку Кудреванку.
Де как посылали они ведь тут скорá посла.
Де ехал и скорой посол на широкой двор,
Становилсе он да у красна крыльця,
Де тут привязывал да он резва коня за колецушка булатныя,
И де што за ту же он привязку боғатыр(и)скую.
Де сам и некогó он тут не с(ы)прашивал:
Де ни подворотников, ни предверников.
И заходил и он во с(и)вётлу гриднюш(и)ку —
Ведь он, невежа, Богу-то не молитце,
Де со Владимиром-князём да не здороваеце,
Он и тут целом не бьет...
И у Владимира-князя во светлой гриднюш(и)ке
Стоял окольный стольницок,
И подходил он ко стольницку,
Де как выбросил он-де тут да скорый ерлык,
Де как сам назад он петил(ы)ся,
Да ище скоро и вон пошел.
И у Владимира-князя в то времё никого не погодилосе —
Де погодился только как один Олешенька Поповиць блад.
«Уж и ты ой еси, Олешенька Поповиць блад!
Да ты бери-тко-ся скорый ерлык да скорописчатый,
Да ты скорей да распецятывай,
Да поскорей ищо да ты прочитывай,
Да и поскорей ищо мне, Владимиру-ко, вёстку дай!»
И как брал он тут скорый ерлык,
И скоро он да распецятывал,
И скорехонько он да тут процитывал,
И поскоре ищо Владимиру он вёстку дал:
«Уж вы ой еси, Владимир-князь,
Владимир-князь да стольнё-киевский!
Как во цистом-то поли-то у нас деется нехóрошо:
Де подошел и к нам вор-собака, да злой неверной пан,
Де злой неверной пан — да молодой Салтан,
И молодой Сол(ы)тан да сын Салтановиць,

И Кудреванко-царь да Кудревановиць,
И он со многою войска, многа-множеством.
И он и просит и у вас от города от Киева да отступитца
Всё без драки и без сеченья,
И де без большого таково кроволитиця!» —
«А уж и ты ой еси, Олешенька Поповиц блад!
Ты поди-тко на конюшей двор,
Да ты оседлай-ка два резвы́х коня:
Да на поедём-ка с тобой смотреть да силу Кудреван(ы)кову».
Де тут пошел Олешенька на конюшей двор,
И выбирал и он да два да резвы́х коня,
Де как накладывал и он да два седёлышка,
Де два седёлышка да все черкал(е)ские,
Да тут и застёгивал он двенацат(и) прядоцек серебряных,
Да двенацать же прядоцек жемчужных,
И ведь тринадцату прядоцку — через хребетунцу:
Де ту не для-ради басы́, а для-ради крепости —
Де штобы бродягами нам не набродитесь.
Де уж видели мы тут посёдку молодецкую —
Де не завидели мы поездки боғатырские:
И де только в цїстом поле-то пошла курева́ стол(ы)бом.
Де как отъехали от города от Киёва —
Де тут завидели силушку Кудреван(ы)кову.
Де устрашились поворота дале, да и назад едут.
Де на краснѣм крыльци стоит Опраксея да королевишня:
«Уж вы здорово ли, добрые молодцы, ездили?» —
«Уж ты ой еси, Опраксея-королевишня!
Де мы о<т>ступимся-ко с тобой города-то Киева,
Мы побѣжим-ко на горы на высокия,
Да што на те же мы горы на окатисты,
Де што на те же мы дорожки прямоезжия,
Де што на те же ростáни боғатыр(е)ские». —
«Де уж вы ой еси, Владимир-князь,
Да Владимир-князь да стольнѣ-киевский!
Как пошто же нам с тобой бежать до делышка?
Де ты пойдѣ-тко-сь во Божью цер(и)ков,
И ты молись-ка Боғам нашим могуциим:
Спасу да де Прецистому,
Де Пресветой Девы-то, Матери Божьей Боғородице —

Да не помилуёт ли нас Гос(ы)подь?»
Де тут пошел он во Божью церковь,
Де как молился он Спасу тут Пречистому,
Де Пресветой Девы-то, Матери Божьей Богородице;
Де помолился — из церкви-то вон пошел.
А де как настречу ему идет старой-старенькой,
И старый-старенькой да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановичь:
«И уж вы здраст(ы)уйте, и Владимир-князь,
Владимир-князь да стольнё-киевский!» —
«Уж и здрастуй же, и старой-старенькой,
Старой-старенькой Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановитц!» —
«И уж вы што же, Владимир-князь, у нас да не [по]-старому?
Всё не по-старому да не по-преж(е)нему?» —
«Уж ты ой еси, старой, старой-старенькой,
Старый-старенькой Илья Муромець,
Да Илья Муромець сын Ивановичь!
Как где же мне быть по-старому?
Де же мне быть ноне по-старопрежнему?
Как подошел к нам злой собака, злой неверной пан,
Да злой неверной пан — да молодой Сол(ы)тан,
И молодой Сол(ы)тан да сын Солтановитц,
Кудреван-то царь да Кудревановитц,
И он со многою войска, многим-множества.
И просит и у нас-то города-то Киева:
Да отступиться да без драки, да всё без сеченья,
Да без большого таково кроволитиця!» —
«Уж вы ой еси, старый-старенькой!
Уж как ты про эфто да мне не сказывай:
Да ездил я смотрел силу Кудреван(ы)кову
Де из подзорной трубоцки да три дня и три ночи —
И де как не мог я тут цисла-смету дать.
Де как откати ты мне сорок бочек да зеленá вина,
Де как откати ты-де сорок бочек пива пьяного,
Де сорок бочек мёда слад(ы)ково!» —
«А де уж ты ой еси, старой-старенькой,
И старой-старенькой да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановичь!

Как всё преже от тебя было не заперто —
Так и ноне от тебя всё не замкнуто:
То ты бери-тко-сь, сколько тебе надобно!»
Тут он пошел, старый-старенькой, да ко резвú коню,
Де как поехал он-де 'цистó полё;
Де он роскидывал да тут белóй шатёр,
Белóй шатёр, тонкой полóтненой;
Де откатил он сорок боцек да зеленá вина,
Де сорок же боцёк да пива п(ы)яныго,
Де сорок же боцёк да мёда слад(ы)ково;
Де сам поехал он на горы да на высокия,
Де што на те же он горы да на окатистые,
Што на те же он дорожки прямоезжия,
Де што на те же он ростáни боѓáтыр(е)ския.
Де как роскидывал он да тут скоры́ ерлыцки.
Де собиралосе добрых молоцев во белóй шатёр
Де семьдесят без ёдного:
Де старый-старенькой — семидесятой был.
Де они 'де пили-ели де — тут и спать легли.
Де как у старого-то старенького
Зазнобушка была на́ серці.
Де как стовал он поутру ранехонько:
«Уж вы ой еси, брацы, вы доб(ы)рые молоцы!
Де мы поедемте-ко-ся сбить силу Кудреван(ы)ку!
Де поезжаете вы с фланку правого и левого —
А я поеду в серединушку силушки Кудреванковой.
Де как засвистит моя вострая сабел(и)ка,
Де затальцят мои серебряны колечуш(и)ка —
Так уж вы бейте-секите, кто сколько можете!
А как не засвистит моя вострая сабел(и)ка,
Де как и не сбрыкают мои серебряны колечушка —
Так вы не задевати лучше силушки Кудреван(ы)ковой,
А поезжайте вы хыть, хто куды знаите!»
Де как поехал старый-старенькой
К серединушки силушки Кудреван(ы)ковой.
Де в то время было ему, старенькому, лет ста семидесяти.
Как заехал в серединушку силушки Кудреванковой —
И одной рукой подал Кудреванку скоры́й ерлык,
Де как другой рукой он успел Кудреванку снять и го́лову!

Да засвистела тут вострая сабел(ы)ка,
Де зательцели тут серебряны колечушка;
Де бились они, дрались три дня и три ноци,
Де без питенья да без ёденья, —
Да победили тут силушку Кудреванкову.
Де собрались опять добры молоцы во белóй шатёр,
Де опеть: 'де пили, 'де ели — тут и с(ы)пать легли.
Де старой-старенькой, он ставал да тут ранехонько.
Де выходил и он да из белá шат(ы)ра,
Де тут смотрел он в подзор(ы)ную трубоцку.
Де увидал и он в цистом поле: да два удалых
Два Ивана, да два Ивановитця, —
Де потешаются они булат(ы)ной палощ(и)кой:
Де как выбрасывают ей тюць выше лесу дремучего,
Де тюць пониже облака ходёчего,
Да похвалятца они да неболкыми словьми.
Де как первой-от гóворит:
«Кабы был-стоял в матери сырой земли да колокольный столп —
Де поворо́тил бы и я всю мать сыру́ землю!»
Де как друго́й-от гóворит:
«Кабы стояла бы на небо лестница —
Дак там бы я залез и всех присек!» —
«Да как за эфто нас Господь да не помилуёт!»
Да тут восстала опеть силушка Кудреван(ы)кова:
Де кого били и сёкли на́д(ы)вое — де тех двоё стало,
Де-ко кого били, секли на́троё — да тех троё стало!
Де опеть съехались доб(ы)рые молоци;
Де они бились и дрались шесь дней и шесь ноцей,
И де без пítенья, да всё без ёденья.
Да тут стали резвы́ кони брóдить в крови до резва́ брюха́.
Де тут прираздвинуласи мать сыра земля —
Де как прожрала она всю силушку Кудреванкову́!

(Зап. И. М. Левиной 18 июля 1928 г.: д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на — от Палкина Александра Ивановича, 75 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.